

А.В. Неверов

ВЛИЯНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОК НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПАВЛА I В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Рассматривается влияние воспоминаний современников на формирование образа императора Павла I в художественной литературе. За основу взяты пьеса «Павел I» Д. Мережковского и повесть Ю. Тынянова «Подпоручик Киж», значительная часть сюжетов которых заимствована из мемуаров. Сделан вывод о том, что сформировавшийся на страницах художественных произведений образ императора транслировался широкой читательской аудитории, став основой для устоявшихся оценочных суждений о личности и деятельности Павла I.

Ключевые слова: Павел I; художественная литература; мемуары; император; образ.

Жизнь и судьба российского императора Павла I настолько необычны и драматичны, что с давних времен привлекают к себе внимание как историков, так и литераторов. Тяжелая судьба наследника престола, лишённого родительского внимания, настоящей дружбы, понимания со стороны приближенных, нелегкая борьба за свои взгляды уже в бытность императором дали почву не только для исторических споров, но и для художественного воплощения образа монарха. Большое количество опубликованных во второй половине XIX – начале XX в. воспоминаний и первые исторические исследования сформировали довольно отрицательное мнение о коротком периоде павловского правления. Художественная литература подхватила образ императора Павла I преимущественно как деспотичного и безумного монарха, закрепив его в умах широкого круга читателей. В то же время драматурги и писатели сложной для России первой трети XX в. не только создавали художественный образ Павла I, давая волю творческой фантазии, но и обращались к произведениям мемуарной литературы, заимствуя оттуда многие сюжеты.

Одним из первых художественных произведений, в котором главным действующим лицом был император Павел I, стала пьеса Д.С. Мережковского с одноименным названием «Павел I», начинавшая задуманную автором трилогию «Царство Зверя» [1]. Будучи историком, писателем, поэтом, Д.С. Мережковский написал произведение в добровольной эмиграции в Париже в 1908 г. Влияние на авторскую позицию, вероятно, оказал долгий запрет на публикацию многих воспоминаний о Павле I (в первую очередь, связанных с его убийством), который лишь укрепил негативное отношение к императору. С другой стороны, были и политические мотивы обращения писателя к образу монарха в условиях спора интеллигенции о будущем России. Следует отметить, что на фоне нестабильной политической ситуации в стране пьеса была воспринята официальной властью неоднозначно. Так, она была запрещена сразу после появления на свет в 1908 г., но спустя четыре года все цензурные ограничения были сняты.

Д.С. Мережковский, используя свои персональные представления о природе российской монархии, выбирал из всего комплекса имеющейся информации

наиболее устойчивые мифы о Павле I, взяв за основу набор самых распространенных клише. Писатель изобразил непростые отношения Павла со своими сыновьями – Александром и Константином, которые, по его мнению, боялись отца. «Зверем был вчера, зверем будет и сегодня», – произносит в пьесе Константин Павлович, обращаясь к брату [1. С. 13]. Действительно, мемуарные свидетельства позволяют всерьез говорить о том, что Павел Петрович был человеком довольно темпераментным и обладал взрывным характером. Вспышки гнева нередко были направлены не только на придворных, но и на членов семьи. Мемуаристы, живописуя связанные с этим ситуации, не скупались на красочные выражения. Например, согласно мнению А.М. Тургенева, обер-прокурор стоял перед императором «как фабричный с перепоею» [2. С. 48], бывший военный, которого Павел I внезапно вызвал в Петербург, стоял перед ним «бледный, ни жив, ни мертв» [3. С. 156]. И даже сыновья, по словам мемуариста А.Н. Саблукова, «смертельно боялись своего отца и, когда он смотрел сколько-нибудь сердито, бледнели и дрожали, как осиновый лист» [4. С. 34]. Д.С. Мережковский, в свою очередь, продемонстрировал отношение сыновей Павла Петровича к нему вполне в русле опубликованных воспоминаний. Александр с Константином общались шепотом, боясь быть услышанными, и при этом наследник престола Александр Павлович беспрерывно молился и крестился в надежде, что приступы гнева отпустят его отца и тот с милостью отнесется к офицерам, им же наказанным: «Александр (*крестясь*): “Господи, помилуй! Господи, помилуй!”» [1. С. 15].

Павел Петрович с детства увлекался военным делом, хоть это и не входило в планы ни его воспитателей, ни тем более Екатерины II, поскольку никто из них не желал видеть в наследнике второго Петра III, однако такое увлечение, по всей видимости, генетически передалось от отца к сыну и сохранилось в Павле Петровиче на всю жизнь. По иронии судьбы именно военные преобразования стали плацдармом, на котором проявились все, прежде всего, негативные черты характера Павла I. Над гатчинцами, которые первыми воплотили в жизнь военные задумки цесаревича, смеялись. Об этом свидетельствуют многие мемуаристы, которые писали об отличительных чертах

гатчинских батальонов. К примеру, офицер А.Н. Саблуков в своих воспоминаниях отмечал: «Мы, офицеры, часто смеялись между собою над гатчинцами» [4. С. 19]. Д.С. Мережковский же в пьесе рассматривал последствия перемещения гатчинских порядков в Петербург, когда они из локальной проблемы для офицеров екатерининской эпохи перешли в глобальную. Высшие военные чины стали подвергаться наказанию за неуставную длину кос, неправильное марширование, расстегнутые пуговицы солдат и пр. [1. С. 21]. Помимо этого, нововведения послужили поводом для усиления телесных наказаний. Павел Петрович в пьесе показан как тиран, который за малейшие провинности повелевал высечь даже заслуженных офицеров. Все это настраивало против самого императора высшее общество Петербурга.

Интересно, что при негативном подходе к формированию образа императора Д.С. Мережковский в своем произведении все же наделил Павла Петровича чувством некой сентиментальности. Несмотря на частые приступы гнева, монарх был отходчив и склонен к состраданию. Своему сыну Александру Павел в пьесе объяснялся так: «Я одарен от природы сердцем чувствительным, Сашенька!» [Там же. С. 30]. И обращение к воспоминаниям действительно показывает, что в Павле Петровиче сочетались две прямо противоположные черты характера – вспыльчивость и отходчивость. Император мог быть как добрым, так и крайне суровым. Мемуаристы отмечали самые разнообразные проявления характера Павла I. Например, Е.Ф. Комаровский писал о нем: «Гнев государя довел Его Высочество до отчаяния» [5. С. 64]. В то же время В.Н. Головина в своих воспоминаниях посвятила монарху такие строки: «Его [Павла] душа была добродетельна и прекрасна, и когда великодушные и рыцарские понятия брали верх, его поступки оказывались достойны уважения и восхищения» [6. С. 144]. Возможно, именно поэтому Павел, как личность неординарная, и стал интересен в качестве центральной фигуры авторам художественных произведений.

Исследователь жизни и творчества Д.С. Мережковского Ю. Зобнин считал пьесу «Павел I» самым выдающимся произведением автора в качестве драматурга. По его мнению, Д.С. Мережковский, выбрав определенную идеологическую схему, чтобы раскрыть образ императора, не лишил его человеческих качеств и показал различные стороны личности Павла I [7. С. 95]. Ю. Зобнин также обращал внимание на историко-политические взгляды Д.С. Мережковского и их связь с сюжетом пьесы. По концепции автора, тезис «самодержавие – от антихриста» вступает в противоречие с природой российской монархии, ведь император России – помазанник Божий. Антихристианская направленность деятельности Павла Петровича в полной мере проявлялась на протяжении всего его правления. Император возмнил себя Богом на земле и за это поплатился собственной жизнью [Там же. С. 94]. Примечательно, что в текстах воспоминаний, а именно в мемуарах Е.Ф. Комаровского, мы можем найти слова о том, что Павел I действительно иногда действовал не только как император, но и как глава церкви: «Было достойно примечания, что импе-

ратор во время причастия вошел в алтарь, взял сосуд и, как глава церкви, сам причастился» [5. С. 57]. Как видим, современник Павла Петровича посчитал этот эпизод заслуживающим особого внимания.

Мысль о том, насколько Павел I был деспотичен и самовластен в своей политической деятельности, затрагивали многие исследователи эпохи. В частности, историк Ю.А. Сорокин отмечал, что сама форма власти в Российской империи, предполагавшая абсолютное сосредоточение ее в руках одного человека, возможно, лишь развила в российском государе такие качества характера, как самодурство и требование беспрекословного выполнения любых его прихотей. Впрочем, как отмечал исследователь, такое положение дел в России распространялось не только на эпоху Павла I, но и на весь период существования самодержавия в стране [8. С. 117].

Еще одним значимым и наиболее известным художественным произведением об императоре Павле I стала изданная в 1927 г. повесть Ю. Тынянова «Подпоручик Киж» [9]. Главным действующим лицом в работе Ю. Тынянова был несуществующий персонаж по фамилии Киж – вымышленный герой очень популярного анекдота павловской эпохи. Киж появился в документах из-за ошибки писаря, но, тем не менее, был несколько раз возведен в новые чины и дослужился, наконец, до звания полковника. Столь комичная ситуация могла возникнуть еще и потому, что никто из военного руководства, опасаясь наказания, не осмелился сказать суровому императору, с чего началась вся история. Это и изобразил автор, показывая сатиру на бюрократический аппарат императорской России, где зачастую здравый смысл терялся в погоне за наградами после исполнения очередного приказа, каким бы абсурдным оно ни было.

Ю. Тынянов, взяв за основу сюжет анекдота павловской эпохи, изменил и дополнил его, сделав своего «подпоручика Киж» героем самостоятельного произведения. Сатира на императорскую власть и на персону самого монарха прослеживается на протяжении всего повествования. Повесть Ю. Тынянова была написана уже в советский период, т.е. гораздо позже пьесы Д.С. Мережковского, что определило высмеивание пороков Павла I и его эпохи. Пугливость, придирчивость, вспыльчивость Павла Петровича – вот главные его черты, описанные автором.

С первых строк повести Павел I предстает перед читателем трусливым человеком, который боялся каждого шороха, а при виде фельдгегера забивался под стол от страха [9. С. 327]. Примечательно, что Ю. Тынянов изобразил таким не малолетнего Павла, который, как известно из исторической литературы, был пугливым ребенком и от малейшего шороха, по словам одного из первых биографов императора Н.К. Шильдера, «приходил в испуг и трясся всем телом» [10. С. 10]. Воспоминания также подтверждают эту характеристику. Например, по словам А.М. Тургенева, Павел был «пугливым и, в первом порыве гнева своего, крайне суровым государем» [2. С. 50]. Следует отметить, что вспышки гнева монарха отмечали практически все мемуаристы, о них писал в пьесе «Павел I» и Д.С. Мережковский. Ю. Тынянов развил

мысль о непростом характере Павла Петровича, отметив, что гнев у монарха постепенно переходил в страх, страх – в жалость к самому себе и умиление [9. С. 334–335].

Воспоминания о монархе дают возможность объяснить многие особенности его поведения, отразившиеся на страницах художественной литературы. Павел I понимал, что в силу его высокого общественного положения он непременно рано или поздно станет объектом лицемерия и подхалимства со стороны подданных. За долгое время пребывания в статусе наследника престола, составившее для него, по сути, целую жизнь, он много натерпелся со стороны придворных. Отсюда проистекает чрезмерная подозрительность Павла Петровича. Подтверждение этому встречается в мемуарах Е.Ф. Комаровского: «Тогда государь начал мне рассказывать, как все против него, что он окружен шпионами; в сию минуту прошел вдали парикмахерский ученик, государь, показывая на него, сказал мне: ты видишь этого мальчишку, я не уверен, чтобы и ему не велено тоже за мной присматривать, что Его Величество полагался на привязанность одного только Константина Павловича, но накануне сделанный им поступок заставил государя думать, что и он передался противной партии» [5. С. 64]. Интересно, что в повести Ю. Тынянова эта «подозрительность», которую отмечают многие, доходила даже до того, что Павел Петрович напрягал слух и различал звук шагов своих солдат, которые двигались в его сторону [9. С. 337].

Кроме того, Ю. Тынянов в своем произведении поднял не только вопросы собственно правления Павла I, но и династические проблемы российской монархии, с которыми она столкнулась в XVIII в. Тынянов иронизирует, что Павел, вступивший на престол в век дворцовых переворотов, имел шаткое положение перед женой и сыновьями, которые, по примеру Екатерины II, «могли заколоть его вилокю и сесть на престол» [Там же. С. 336]. Таким образом, Тынянов отсылает читателя к проблеме престолонаследия, которая являлась главной причиной нестабильного положения многих российских монархов. Об этом писали и многие мемуаристы. Например, В.Н. Головина отмечала, что Павел I, при всех его недостатках, все же решительно боролся с беззаконием, и одним из первых нововведений был как раз новый указ о престолонаследии: «Надо ему отдать справедливость, что он был единственным государем, который искренне пожелал установить законность в наследовании трона, и он также был единственным, полагавшим, что без законности не может быть установлен порядок» [6. С. 144].

В.Н. Головина не случайно упоминала в мемуарах о законодательной деятельности императора. По мнению современного российского историка А.Н. Боханова, «законность и порядок на основе строгой нормативной регламентации» являлись социальными целями государственной системы Павла I [11. С. 199]. При вступлении на престол государя изменилось многое. Теперь уже бывшие заслуги и награды ничего не значили. На первый план выходили преданность делу, исполнительность и верность государству и правите-

лю [11. С. 213]. Павел Петрович действительно, как отмечал и Д.С. Мережковский, своеобразно понимал суть служения Отечеству. Для него служить государству означало служить и самому монарху. Подтверждением этому служит знаменитая фраза самого Павла I, которую привел в своем исследовании А.Н. Боханов: «Знайте, в России важным лицом является только тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю» [Там же. С. 214].

Ю. Тынянов в повести, в отличие от анекдота, доводит своего персонажа – подпоручика Киче до звания генерала. Истоки этой комичной ситуации он тоже видит в характере императора. Павел Петрович не любил подхалимства, лицемерия, и в этом подпоручике, внезапно появившемся из-за нелепой ошибки, государь замечал другое. Он видел живого человека, который «не кланчил имений, не лез в люди за дяденькиной спиной, не хвастун, не щелкун. Он нес службу без ропота и шума» [9. С. 354]. Примечательно, что мемуарная литература содержит в себе аналогичную историю, только с реально существовавшим персонажем. Павел I после своего вступления на престол ради восстановления справедливости решил повысить в звании офицера Степана Михайловича Абрамова, который много лет назад не согласился с итогами дворцового переворота, сделавшего главой государства Екатерину II, и спустя некоторое время ушел в отставку. Император, вызвав его к себе и пожаловав 300 душ крестьян, объяснил свой поступок так: «А как вы думаете, ваше превосходительство, за что я вас жалую? Так я вам объясню. Слушайте все! Я, разбирая послужные списки, нашел, что вы при императрице Екатерине были обойдены по службе. Так я хотел доказать, что при мне и старая служба не пропадает» [3. С. 157]. Конечно же, многие усмотрели в этом необычном по тем временам поступке императора не более чем жест доброй памяти в адрес Петра III и, несомненно, укор в адрес своей матери. Но все же имеет право на существование и другая версия, запечатленная в этом же тексте воспоминаний, – Павел I стремился вознаградить Степана Михайловича не только за преданность своему несчастному отцу, но и «за верность долгу» [Там же. С. 158]. Примерно об этом же писал и Н.О. Котлубицкий, который, признавая непростой характер государя, утверждал, что благодаря своей честной службе ему удалось сохранить благое отношение императора к себе [12. С. 510–511].

Таким образом, анализ художественной литературы первой трети XX в., посвященной персональным качествам и государственной деятельности российского императора Павла I, позволяет говорить о заимствовании авторами произведений многих сюжетов из воспоминаний современников. Литераторы и драматурги, опираясь на известный комплекс мемуарных текстов и научно-исследовательских работ, под влиянием своих собственных историко-политических взглядов изображали российского монарха преимущественно как неуравновешенного и сурового, повторяя тем самым наиболее устойчивые клише, сложившиеся в историографии второй половины XIX – начала XX в. Указанный подход был симптомом важных изменений в исторической культуре, свидетельствуя о

том, что образ могущественной самодержавной власти подвергался постепенной дискредитации [13. С. 285]. Сформировавшийся образ транслировался широкой читательской аудитории, воплощался в фильмах и на театральной сцене, став основой для устоявшихся оценочных суждений о личности и деятельности императора Павла I. И в этом нет ничего

удивительного, поскольку, как писал К.Н. Бестужев-Рюмин, «действительные исторические лица, раз воспроизведенные поэтом, мы представляем себе более или менее так, как их представляет поэт» [14. С. 83]. Реальная же личность Павла I оказалась в тени сложившегося стереотипа, не утратившего актуальность и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мережковский Д.С. Павел I. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1908. 261 с.
2. Тургенев А.М. Записки Александра Михайловича Тургенева (1796–1801) // Русская старина. 1895. Т. 83, № 5. С. 45–51.
3. Шубинский С.Н. Очерки из жизни и быта прошлого времени. М., 2010. 176 с.
4. Время Павла и его смерть. Записки современников и участников события 11 марта 1801 г. М., 1908. 192 с.
5. Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 2012. 240 с.
6. Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М. : ТРИ ВЕКА ИСТОРИИ, 2000. 480 с.
7. Зобнин Ю.В. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. М. : Молодая гвардия, 2008. 436 с.
8. Сорокин Ю.А. Павел I: личность и судьба. Омск : Омск. гос. ун-т, 1996. 211 с.
9. Тютчев Ю.Н. Сочинения : в 3 т. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. 647 с.
10. Шильдер Н.К. Павел I. Его жизнь и царствование. М. : Эксмо, 2010. 432 с.
11. Боханов А.Н. Павел I. М. : Вече, 2010. 448 с.
12. Рассказы генерала Котлубицкого о временах Павла I, изложенные А.И. Ханенко // Русский архив. 1912. Кн. 2, вып. 8. С. 509–538.
13. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара : Книга, 2011. 448 с.
14. Бестужев-Рюмин К.Н. Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Иоанна Грозного // Заря. 1871. Т. 3, № 3. С. 83–90.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2018 г.

The Influence of Contemporary Memories on the Formation of the Image of Paul I in the Fiction of the First Third of the Twentieth Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 122–126.

DOI: 10.17223/15617793/440/16

Anton V. Neverov, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: a.v.neverov610@mail.ru

Keywords: Paul I; fiction; memoirs; Emperor; image.

The article is devoted to the study of the influence of contemporary memories on the formation of the image of Emperor Paul I in fiction. The study is based on the play “Pavel I” [Paul I] by D. Merezhkovsky and the story “Poruchik Kizhe” [Lieutenant Kijé] by Yu. Tynyanov, whose plots were mainly borrowed from memoirs published in the second half of the 19th – early 20th centuries. The main aim of the study is to identify the relationship between the image of Paul I created in the texts of writers and playwrights and the memories of contemporaries who recorded their ideas and knowledge on the pages of memoirs. It is obvious that representatives of the literary community, as well as scientists, extensively used memoirs as a source of information for writing their works. Moreover, following historical science, fiction has also contributed to the consolidation of the image of Emperor Paul I as a madman on the throne in the eyes of a wide range of readers. During the research, not only the memories of contemporaries, but also scientific works about the era of Paul I written by historians N.K. Shilder, Yu.A. Sorokin, A.N. Bokhanov were used. The image of the Emperor presented in fiction was undoubtedly influenced by the writers’ own ideas about the nature of the Russian autocracy, as well as their attitude directly to the personality of the sovereign himself. To a greater extent, this is noticeable in Merezhkovsky’s work “Pavel I”, but Tynyanov’s work, written in the Soviet period, also contains the ridicule of the vices of Paul I and his era. Along with telling about the negative qualities of the Emperor, writers followed many memoir authors and noted his positive characteristic features, which raised the reader’s interest in the work. In general, the analysis of fiction of the first third of the 20th century devoted to the personal qualities and state activities of Russian Emperor Paul I shows that writers borrowed many plot lines from the memories of contemporaries. Writers and playwrights, relying on the well-known complex of memoir texts and research works, under the influence of their own historical and political views, portrayed the Russian monarch mainly as an unbalanced and severe monarch, thus repeating the most stable clichés that developed in the historiography of the second half of the 19th and early 20th centuries. The image was broadcast to a wide readership, embodied in films and on the theatrical stage, becoming the basis for established judgments about the nature and activities of Emperor Paul I. The real personality of the monarch was in the shadow of the stereotype.

REFERENCES

1. Merezhkovskiy, D.S. (1908) *Pavel I* [Paul I]. St. Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina.
2. Turgenyev, A.M. (1895) *Zapiski Aleksandra Mikhailovicha Turgenyeva (1796–1801)* [Notes of Alexander Mikhailovich Turgenyev (1796–1801)]. *Russkaya starina*. 83 (5). pp. 45–51.
3. Shubinskiy, S.N. (2010) *Ocherki iz zhizni i byta proshlogo vremeni* [Essays from the life and routine of the past]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.
4. Balitskiy, G. (1908) *Vremya Pavla i ego smert'. Zapiski sovremennikov i uchastnikov sobytiya 11 marta 1801 g.* [The time of Paul I and his death. Notes of contemporaries and participants in the events of March 11, 1801]. Moscow: “Russkaya byl”.
5. Shchegoleva, P.E. (ed.) (2012) *Zapiski grafa E.F. Komarovskogo* [Notes of Count E.F. Komarovskiy]. Moscow: GPIB.
6. Nikitin, S.A. (ed.) (2000) *Memuary grafini Golovinoi. Zapiski knyazy Golitsyna* [Memoirs of Countess Golovina. Notes of Prince Golitsyn]. Moscow: TRI VEKA ISTORII
7. Zobnin, Yu.V. (2008) *Dmitriy Merezhkovskiy: zhizn' i deyaniya* [Dmitry Merezhkovskiy: life and deeds]. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Sorokin, Yu.A. (1996) *Pavel I: lichnost' i sud'ba* [Paul I: personality and destiny]. Omsk: Omsk State University.
9. Tynyanov, Yu.N. (1959) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

10. Shil'der, N.K. (2010) *Pavel I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Paul I. His life and reign]. Moscow: Eksmo.
11. Bokhanov, A.N. (2010) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: Veche.
12. Kotlubitskiy, N.O. (1912) Rasskazy generala Kotlubitskago o vremenakh Pavla I, izlozhennye A.I. Khanenko [The stories of General Kotlubitskiy about the times of Paul I told by A.I. Khanenko]. *Russkiy arkhiv*. 2 (8). pp. 509–538.
13. Leont'eva, O.B. (2011) *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX v.* [Historical memory and images of the past in the Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara: Kniga.
14. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1871) Neskol'ko slov po povodu poeticheskikh vosproizvedeniy kharaktera Ioanna Groznogo [A few words about the poetic reproductions of the character of Ivan the Terrible]. *Zarya*. 3 (3). pp. 83–90.

Received: 22 October 2018